

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Свадебный
кастинг

Повесть

Не так страшен
босс...

Повесть

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Не так страшен босс...

«Научная книга»

Серова М. С.

Не так страшен босс... / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Марина Серова

Не так страшен босс...

Глава 1

- Спя-а-ат уста-а-алые игрушки... – заунывно тянул телевизор.
- Фью-у-у... – свистел закипающий чайник.
- Дынн... дынн... дынн... – глухо барабанил по стеклу нескончаемый дождь.

Воистину, нет ничего на свете хуже скуки. Сколько раз я сетовала на свою работу! На то, какая она утомительная, беспокойная и просто физически очень тяжелая! Сколько раз говорила себе, что не женское это дело мыкаться по пустырям и бандитским притонам в поисках очередного негодяя! А женское дело – это разливать чай по чашкам и, уютно устроившись где-нибудь в мягком кресле между теплым пледом и пушистым котом, наслаждаться покоем и телевизором.

И вот почти уже неделю я занимаюсь именно этим самым делом и понимаю только одно: еще пара дней в том же духе – и я застрелюсь.

Дней пять назад я закончила очередное расследование, получила гонорар и с того момента – как отрезало. Как будто все преступники уехали из нашего города куда-нибудь на Сицилию, на курсы повышения квалификации. Или это просто клиенты так обеднели? Может, им просто нечем заплатить за услуги частного сыщика? Ничего, друзья мои, не смущайтесь. Еще немного, и я буду готова сама заплатить вам, только бы вы заказали мне какое-нибудь расследование.

На этот раз ситуация и впрямь была просто катастрофическая. Обычно, когда у меня долго нет дел и не звонят клиенты, я могу отвести душу хоть в переживаниях по поводу безденежья. Какое-никакое, а все ж дело. Но сейчас я и этим заняться не могу – деньги у меня есть. Просто сижу и отдыхаю. А ведь давно известно, что ни от чего так сильно не устаешь, как от безделья. Особенно если это безделье – вынужденное.

Чайник закипел, и я залила кипятком недавно купленную безумно дорогую заварку. Это был какой-то эксклюзивный чай с каких-то высокогорий, «собранный специально», как было написано на упаковке. Я залила его кипятком и стала ждать, пока он настоится.

Вот до чего я дошла! Пью чай вместо кофе! Бросила курить! По телевизору смотрю все сериалы подряд! Ниже падать некуда. Осталось только написать объявление в брачное агентство. «Зеленоглазая блондинка с идеальной фигурой и черным поясом по карате ищет спутника жизни – парализованного мужчину не младше восьмидесяти, без прописки и средств к существованию. Хочется быть по-настоящему полезной кому-то».

Чай мне понравился (еще бы, за такие деньги!), но день в целом так и закончился ничем. Я уснула, сидя на диване перед телевизором.

На следующий день произошло только одно событие – кончился наконец-то дождь.

Часов до двенадцати я расхаживала взад и вперед по квартире, то и дело выглядывала в окно, на улицу, где под июньским солнцем постепенно подсыхали лужи, и раздумывала, не пойти ли мне хоть просто так прогуляться, если по делу выйти некуда.

Летом лужи высыхают быстро. Поэтому, несмотря на то что дождь шел несколько дней, к обеду асфальт стал вполне пригоден для пешеходных прогулок.

«Сейчас глотну кофейку, а потом пойду погуляю», – решила я, радуясь тому, что смогла найти себе занятие.

Но едва только я собралась осуществить свой план, как зазвонил телефон.

Как я метнулась к нему, как леопард набрасывается на лань.

– Алло! Я слушаю!

– Здравствуйте, – заскрипел в трубке гнусавый и чем-то недовольный старушечий голос. – Мне нужен сыщик.

– Я слушаю, – уже спокойнее сказала я, начиная подозревать недоброе.

– Вы – сыщик?

– Да.

– Девушка?

– Ну... в общем и целом...

– Да. Мне говорили, что будет девушка. Говорили, что вы работаете даже лучше, чем мужчины.

– Спасибо. А кто это, если не секрет, дал мне такую лестную...

– Вы должны найти мою собаку.

– Что??

– У меня пропала собака. Только что. От магазина. Ведь они не пускают с собаками. Такая дискриминация! Я пошла в магазин и привязала ее на улице, а эти бандиты просто взяли и перерезали поводок. Представляете?!

– Да, это, конечно, ужасно, но мне кажется, вас ввели в заблуждение. Я не занимаюсь поиском собак. Я – частный детектив, я занимаюсь...

– Конечно, это ужасно. Я просто в себя прийти не могу. И они еще говорят о каком-то правовом государстве. Они говорят о законности! А между тем середь бела дня у всех на глазах совершаются такие вопиющие и гнусные преступления.

– Да, действительно, это безобразие, но...

– Так когда вы подъедете?

– Куда?

– То есть как это куда? Я ведь сказала вам, что жду вас у магазина. Я нахожусь на месте преступления, как раз рядом со столбом.

Со столбом? Ладно, хоть не рядом с шестом. Старушка, похоже, имела характер настойчивый, поэтому я тоже решила проявить настойчивость.

– Одну минуту, – быстро и жестко заговорила я, стараясь не делать пауз между словами, – мы, кажется, не понимаем друг друга. Я не занимаюсь поиском пропавших животных. Я – частный детектив и расследую уголовные преступления. Вы обратились не по адресу. Прошу извинить меня.

– Но это именно и есть уголовное... – еще пыталась продолжить разговор настырная старуха, но я уже положила трубку.

Не тут-то было!

Не прошло и минуты, как телефон зазвонил снова.

– Вы обязаны найти мою собаку! – снова заскрипел противный голос в трубке.

– Кто вам это сказал?

– Вы – сыщик?

– Да, но...

– Значит, вы должны искать. У меня пропала собака. Значит, вы должны найти ее.

– Но я не занимаюсь...

– Это – моя собака!

– Да, конечно, ваша собака, никто против этого и не возражает, но при чем же здесь...

– Значит, она должна быть со мной!

– Да, но...

– Значит, вы должны найти ее!

Еще ровно пять раз я бросала трубку, и всякий раз телефон звонил снова. Не действовал ни кнут, ни пряник. И на вежливые уговоры и на грубый отказ реакция была одинаковой – новый звонок. Настырная старуха не отставала.

«И чего она так привязалась ко мне? – в полном недоумении думала я, бросая трубку в шестой раз. – Что, кроме меня, в нашем городе никто больше не занимается частным сыском?»

Телефон зазвонил снова, и мне вдруг стало смешно. Я посмотрела со стороны на эту абсурдную ситуацию, когда какая-то полоумная бабка с ослиным упорством настаивает на том, чтобы детектив моего уровня занялся поисками пропавшей собаки, и поняла, что вариантов у меня только два: либо убить эту старуху, либо признать всю комичность ситуации и заняться поиском собаки.

«В конце концов, что я теряю? – уже почти смирившись с неизбежностью, думала я. – Сама ведь только что собиралась прогуляться. Ну, вот и прогуляюсь. И воздухом подышу, и время с пользой проведу. Отчего бы и не помочь старушке? Может, эта собака – самое дорогое, что у нее осталось».

Телефон все звонил.

– Алло! – усталым голосом сказала я, сняв трубку.

– В конце концов, неужели вы не хотите заработать? – снова набросилась на меня старуха, решив, по-видимому, показать, что поиски ее собаки – не просто моя святая обязанность, но и весьма привлекательное дело в финансовом отношении.

– Послушайте, э-э... простите, имя-отчество ваше?

– Серафима Карловна.

– Да, очень приятно. Меня зовут Татьяна.

– Я знаю.

– Да?..

Кто же это натравил на меня проклятую старуху? Узнаю – своими руками придушу!

– Что ж, очень приятно. Так вот, Серафима Карловна, если вы уже столько всего знаете, то, думаю, вам известны мои расценки...

– Да, я знаю, у меня с собой есть деньги. Когда вы подъедете?

Нет, вы посмотрите на нее! Не бабка, а электровеник какой-то. Все у нее схвачено, за все уплачено...

– Объясните, пожалуйста, точнее, где именно вы находитесь.

– Я здесь, около магазина. Знаете, такой большой универмаг, недалеко от набережной? Там еще сначала был обыкновенный продуктовый, а потом этот сделали. Там еще остановки...

Думаю, если бы я не назвала наконец один из сетевых супермаркетов, которые с недавнего времени расплодились в нашем городе, и один из которых действительно находился недалеко от набережной, она объясняла бы до вечера.

– Да-да! – радостно закричала бабка. – Да, этот магазин. Вот тут я и стою. На месте преступления. И столб здесь. И обрывок поводка. Я когда пошла в магазин, привязала его к столбу и сказала Людочке ждать...

– А, так с вами была еще Людочка? Так, может быть, она знает, куда делась ваша собака?

– Она-то, конечно, знает. Но ведь у нее-то сейчас не спросишь. Ведь ее-то и украли. Такса моя, Людочка.

Час от часу не легче! Она еще и Людочка! Интересно, а фамилия и отчество у Людочки есть?

– Хорошо, ждите, я сейчас подъеду.

– Жду.

Я собралась и, не очень хорошо понимая, зачем я это делаю, поехала к магазину, где возле столба с оборванным поводком меня ждала полоумная старуха, потерявшая таксу Людочку. Такого у меня, кажется, не было еще никогда.

Подъехав к магазину, я почти сразу увидела эту настойчивую старушенцию.

Не заметить ее было невозможно, а заметив, я сразу поняла, что это – она.

Это была маленькая, сухонькая бабулька в какой-то дореволюционной соломенной шляпке с лентами, с дореволюционным зонтиком и в дореволюционном же костюме. Облаченная в бесчисленное количество юбок, накидок, рюшей и кружев, она стояла возле столба, опираясь на зонтик, и с воинственным видом осматривалась вокруг, держа столб за обрывок поводка. Видимо, для того, чтобы он не скрылся с места преступления.

– Здравствуйте, – вежливо сказала я, подходя к старушке. – Это я с вами говорила по телефону.

– Да? Что ж, прекрасно. Вы можете начинать, вот вам за услуги, – ответила бабанька, протягивая двести долларов.

Такой деловой подход мне понравился.

Я посмотрела на столб, посмотрела на поводок... Раз деньги получены, нужно их отбавывать.

Срез был очень ровный, явно это не обрыв... Да и не так просто было бы разорвать очень качественный и по виду недешевый собачий поводок из натуральной кожи. Похоже, старушке эта самая Людочка была очень дорога. Раз уж она тратила такие деньги на поводки и нанимала самого дорогого детектива в городе.

Сама я не думала, что здесь что-то серьезное. Кому она нужна, эта Людочка? Была бы еще порода какая-нибудь эксклюзивная, а то такса. Да этих такс – как тараканов... Наверное, дети баловались... правда, вот срез... поводок обрезан, скорее всего, ножом. Для детей как-то это... нехарактерно.

Раздумывая обо всем этом, я внимательно осматривалась вокруг, почти не слушая неумолкающий говор Серафимы Карловны о преступлениях, которые совершаются среди бела дня, и о nepозволительной дискриминации в магазинах по отношению к собакам.

Супермаркет находился на одной из четырех сторон перекрестка, а на противоположной стороне я заметила одного из профессиональных нищих, которые всегда отираются в подобных местах. Попросив Серафиму Карловну немного подождать, я перешла перекресток и подошла к нищему.

– Слышь, отец, – сказала я, протягивая ему сто рублей. – Там вот от столба собачку увели... Не видал, кто?

– Волк тамбовский тебе отец, – ответил нищий, даже не посмотрев на купюру.

Это был по виду глубокий старик. Он изображал калеку, но не слепого. С его места открывался наилучший обзор территории, прилегающей к магазину, у которого стояла одинокая старушка с оборванным поводком.

Из всего этого я сделала вывод, что столь невежливая отповедь нищего обусловлена малыми размерами предложенного вознаграждения. Пришлось доставать одну старушкину сотню. Это было запредельно много, но по виду нищего я сразу поняла, что на меньшее он не согласится. Со своего места он мог видеть не только, как украли собаку, но и то, как я разговаривала со старухой, и наверняка сразу догадался, что информация мне нужна.

– А может, все-таки припомнишь? – снова очень вежливо спросила я.

Нищий наконец соблаговолил слегка повернуть голову в мою сторону, в то же мгновение сотенная купюра исчезла в кармане его старой телогрейки.

– Лет сорока, коричневые брюки и пиджак. Старые. Рубашка красная, – заговорил нищий, снова глядя куда-то вбок. – Без галстука. Отрезал ножом, ушел в подворотню.

Я снова посмотрела в сторону магазина. Поблизости от него была только одна подворотня в доме, где располагался ломбард. Но неподалеку было еще несколько подворотен, поэтому я решила уточнить:

– Подворотня рядом с ломбардом?

– Сама не видишь? – раздраженно и с каким-то озлоблением ответил нищий, и я поняла, что разговор окончен.

Что ж, спасибо и на том. Я вернулась к столбу, возле которого ждала меня Серафима Карловна, и предложила ей пройти со мной.

– Что сказал вам этот человек? – озабоченно спросила старушка. – Он видел, кто украл Людочку? Куда он ее повел?

– Постараемся это выяснить, – коротко ответила я.

Мы вошли в подворотню, но оказалось, что это проулок. Выйдя на другой стороне его, мы оказались на тихой улице, где почти не было автомобильного движения, росло много деревьев и стояли лавочки.

На одной из лавочек сидел благообразный старичок и с довольным видом смотрел то на свежую листву деревьев, то на ясное голубое небо.

– Здравствуйте, – обратилась я к нему. – Извините за беспокойство, но вы случайно не видели, здесь не проходил мужчина с собакой? В таком коричневом брючном костюме?

– Проходил, а как же, – ответил старичок, и его улыбка расплзлась почти до ушей. – Они тут один за другим проходят... мужчины-то эти. В костюме... хе! Этот костюм шили, чай, когда я еще не родился. Мужчина... Хе!

Я не очень понимала, к чему он клонит, и недоумение, вероятно, отразилось на моем лице.

– Чего смотришь? – спросил старичок, уловив это выражение. – Каюк твоей собаке. Чай, уж и косточки ее все обсосаны, на помойке валяются.

– Как это?

– А так. Они, мужчины-то эти, если денег добудут, все на выпивку тратят. А на закуску-то уж и не остается. Вот и шастают тут... за добычей. Собаку добудут, это у них вроде как говядина, а кошку – типа курятина...

– Людочка! – воскликнула Серафима Карловна.

– Подождите... минутку... Вы хотите сказать, что они их... едят?

– Ну да. А ты думала, дрессируют, что ли? – Благообразный старичок захихикал, довольный своей шуткой. – Вон она, помойка-то, видишь?

– Вижу.

– Ну вот. А туда подальше маленько пройдешь, там оно и будет, стойбище-то ихнее. Иной вечер как соберутся – никакого житья нет. И милиции уж говорили, и участковому... ничего. Как повадились здесь собираться, так и не отстают.

Итак, рабочая версия дела об украденной собаке выглядела следующим образом: кто-то из почтенного сословия городских бомжей увидел собаку, оставленную без присмотра, и, не мудрствуя лукаво, обрезал поводок и унес таксу с собой. А в то время, когда я препиралась с Серафимой Карловной о целесообразности моего участия в этом деле, где-то возле помойки шел пир на весь мир, на котором Людочка присутствовала в виде угощения.

Думаю, похожая картина нарисовалась и в голове самой Серафимы Карловны, потому что выражение лица ее было просто трагичным.

Да, пожалуй, для старушки это действительно удар. Ведь она-то думала, что собаку просто украли. Могла ли она предположить, что Людочку... съели?

– Серафима Карловна, вы не спешите расстраиваться, – сказала я. – Ведь это пока только предположения. Необходимо во всем убедиться...

– Да какие уж тут предположения... Вы слышите, что он говорит? Едят собак! Это... немыслимо! – Старушка чуть не плакала.

– Но тем не менее... я не считаю расследование законченным, – уверенным и деловым тоном сказала я и двинулась по направлению к мусорной свалке, на которую указал благообразный старичок.

Не знаю, повлияла ли моя уверенность на Серафиму Карловну или она действовала по инерции, но немного погодя она тоже поплелась за мной.

Свалка находилась рядом с баками для мусора, в которых этот самый мусор давно уже не помещался. Бытовые отходы сваливались возле баков, и все это великолепие плавно переходило в большую мусорную кучу, расположенную неподалеку. Возле кучи была устроена небольшая полянка, где среди старых ящиков и упаковочного картона отдыхала теплая компания.

Признаюсь, я подходила к ней с некоторой опаской. Впрочем, не за себя, а за свою клиентку, не хотелось видеть процесс пожирания Людочки. Но, приблизившись к компании, я убедилась, что опасаться мне нечего.

Ребята и вправду были уже в веселом настроении, но никаких котлов с дымящейся вареной собачатиной или копченых лапок на вертеле рядом с ними не наблюдалось. И что самое главное, среди пирующих не было мужчины в старом коричневом костюме и красной рубашке.

Было ясно, что Людочку постигла какая-то иная судьба, но вот какая? Благообразный старичок на скамейке даже не задумался над ответом, когда я спросила про мужчину с собакой. Значит, этот мужчина шел именно по направлению к свалке. Но шел не на пир к бомжам, а куда-то еще. Куда?

Я снова внимательно посмотрела по сторонам. Местность представляла собой задворки в одном из старых районов города, куда уже очень давно не заглядывали не только мусороуборочные машины, но даже бродячие собаки обегали ее стороной. Что, впрочем, неудивительно. Неопрятные стены старых домов ограждали пространство со всех сторон, и только в одном углу виднелся узенький проулочек. Туда я и направилась.

Проулок представлял собой очень узкую тропинку между двумя такими же грязными домами, грозившими вот-вот обрушиться. Думаю, проехать здесь на машине было бы просто невозможно.

Оказавшись в проулке, я обнаружила, что слева виднеется вход в еще одну подворотню. «Просто лабиринты какие-то, – сворачивая в эту подворотню, думала я. – Не удивлюсь, если окажется, что Людочку похитил Минотавр».

Но оказалось, что догадка моя неверна.

Зайдя во двор, я обнаружила наконец то, что искала. Мужчина лет сорока в старом коричневом костюме и красной рубашке без галстука лежал навзничь прямо посреди двора с перерезанным горлом. Рядом с ним валялось то, что осталось от Людочки. Тело несчастной собаки было вспорото по животу, и ее внутренности, вывалившиеся наружу, вызвали большой интерес у летавших над нею мух.

Признаюсь, тут я и сама испытала легкий шок.

Кто? Кого? Зачем? Что все это значит?

Самые разные вопросы стали возникать в моей голове, и ни на один из них я не находила вразумительного ответа. Кем был этот человек? Зачем ему понадобилась собака? Кто его убил?

Если это был бомж, который хотел полакомиться Людочкой отдельно от своих братьев, а те его за это наказали, то почему они не взяли собаку? Если это извращенец, который отводил душу, издеваясь над животными, то почему он сам мертв? Кто-то из местных жителей не смог стерпеть несправедливости и рассчитался с негодяем? Я еще раз осмотрела окна домов, выходивших в подворотню.

Так что же здесь произошло?

Занятая своими мыслями, я совсем забыла о Серафиме Карловне и о том, что, пожалуй, ей не следовало смотреть на все это. Все-таки пожилой человек...

– Людочка!! – раздался за спиной истошный вопль, и я поняла, что предупреждать клиентку уже поздно.

– Серафима Карловна, пойдемте. Незачем вам на это смотреть. Ее ведь уже не вернешь, – говорила я, слегка приобнимая старушку и пытаюсь вывести ее из подворотни.

Но я недооценила силу воли Серафимы Карловны. Когда она куда-то стремилась, ничто не могло ее остановить.

– Людочка! – причитала она, вырываясь из моих рук. – Я знала! Я чувствовала, что это добром не кончится. Ах, какой негодяй! И поделом ему...

Старушка была по-настоящему расстроена, но я сразу отметила про себя, что если при каждом взгляде на растерзанную Людочку глаза ее наполнялись слезами, то при взгляде на ее похитителя в этих глазах не было ничего, кроме ненависти. Ни кровь, ни сам факт совершенного преступления не вызывали у нее никаких эмоций. Ее волновала только Людочка.

«А бабка-то... просто кремень», – невольно подумала я.

– Вы знали этого человека? – спросила я у Серафимы Карловны.

– Его-то? Этого негодяя? – возмущенно переспросила она. – Разумеется, нет. Я не общаюсь с подобными типами.

Ясно. Значит, версия о том, что украсть хотели именно эту собаку, скорее всего, исключается. Вероятно, этому мужчине для каких-то своих целей нужна была собака, и он украл первую, что попала на глаза. Или нужна была именно такса? Но зачем? Чтобы одному умирать нескучно было?

Случай представлялся загадочным и даже абсурдным. Но так или иначе, здесь, в подворотне, произошло убийство, и об этом необходимо как можно скорее сообщить.

«Кому звонить? 02 или сразу подполковнику Кириянову? – раздумывала я. – Милиция привлечет меня как очевидца, начнут пытать... Нет, позвоню лучше Кире, расскажу, что и как, пускай там оформит...»

Это дело было весьма кстати. Я соскучилась по работе, и мне не терпелось выяснить, что здесь к чему. Правда, пока мне никто не заказал расследование, но... время покажет. Если же я соберусь расследовать это убийство, светиться как очевидцу мне ни к чему.

Убежденная несокрушимостью последнего довода, я вытащила мобильный и набрала номер Кири.

Сообщив о происшедшем и объяснив, где находится место преступления, я особо отметила, что мое имя фигурировать не должно.

– Может быть, старушка заявит о пропаже собаки... – неуверенно говорила я, но тут вмешалась сама Серафима Карловна.

– Пропаже?! Вы, кажется, говорите о пропаже? Какая же это пропажа? Это же настоящее убийство!

Дело кончилось тем, что великолепная Серафима Карловна заявила о своем твердом намерении отправиться в прокуратуру, чтобы подать заявление о зверском убийстве своей любимой собаки. Ни больше ни меньше. Причем убийство мужчины шло здесь как бы в виде несущественного примечания.

Глава 2

Между тем я не забывала, что нахожусь на месте преступления, совершенного всего около часа назад, и у меня была отличная возможность по горячим следам попытаться восстановить ход событий.

Когда-то, в незапамятные времена, подворотня, по всей видимости, была заасфальтирована, но на сегодняшний день от этого асфальта остались одни воспоминания, покрытые как минимум пятисантиметровым слоем грунта. Или, попросту говоря, грязи. На этой грязи, еще влажной после дождя, прекрасно отпечатывались все следы, и по ним, как по книге, можно было прочитать все, что происходило сегодня в подворотне.

Вот натоптанная дорожка, ведущая к выходу из подворотни. Наверняка ее проложили жители этого двора, спешащие утром на работу. Те, разумеется, кто эту работу имел. Что-то подсказывало мне, что отнюдь не все обитатели домов, выходящих в подворотню, составляли доблестную армию тружеников.

Размышляя об этом, я продолжала осматривать территорию. Вот недалеко от входа, за углом, плотно утоптаный участок грязи овальной формы и рядом несколько окурков. Наверняка здесь кого-то ждали. Я достала носовой платок и аккуратно завернула в него один из окурков. Название продукта прочитать было сложно, но уже одно то, что это были папиросы, а не сигареты, говорило о многом.

Я почти не сомневалась, что люди, утоптавшие в укромном месте этот островок (а судя по следам, ведущим к утоптанной площадке, их было несколько), ждали человека в коричневом пиджаке и, так же как и он, не принадлежали к высшим слоям общества. Думаю, у них здесь была назначена встреча. Но по какому поводу? И при чем здесь собака?

Увлеченная осмотром места происшествия (наконец-то дорвалась!), я почти совсем выпустила из виду свою клиентку. А между тем она тоже развила бурную деятельность. Отыскав где-то кусок картона, она пыталась поместить на него то, что осталось от Людочки.

– Серафима Карловна! – поспешила я ее остановить. – Пока не прибудет опергруппа, здесь ничего нельзя трогать. Если вы хотите, чтобы зло было наказано, необходимо дать следователям возможность тщательно изучить место преступления.

– Но ведь Людочку нужно похоронить, – растерянно говорила убитая горем старушка.

– Да, конечно, но имейте терпение. Когда оперативники все здесь осмотрят, ничто не помешает вам забрать свою собаку. Сигнал поступил, думаю, они приедут уже скоро.

– Да?.. Ну... ладно... Хорошо, я подожду.

– Вот и прекрасно, – похвалила я ее и продолжила свой осмотр.

Чтобы иметь более четкое представление о происшествии, я решила осмотреть обувь убитого мужчины. Она была такой же старой, как и костюм. Ботинки с закругленными носами вот-вот готовы были развалиться. Увы! Выделить такую обувь среди прочих следов было почти невозможно. Вот если бы ботинки имели какие-нибудь оригинальные набойки или рифленую подошву... Но ничего такого не было, и на сей раз мне пришлось довольствоваться догадками.

Думаю, человек в коричневом костюме вошел в подворотню и почти сразу увидел тех, кто его поджидал. Здесь сразу возникал вопрос. Был ли этот человек жителем одного из домов, выходящих в подворотню, или он пришел со стороны? От ответа на этот вопрос зависело не так уж мало.

Если человек был местным жителем, то вполне вероятно, что встреча с поджидавшими его людьми была для него неожиданностью. А если он посторонний, то почти со стопроцентной уверенностью можно предположить, что место и время встречи были оговорены заранее и он знал, куда шел. Но знал ли он, что его могут убить? И за что? За что его убили и за что убили собаку?

Я подошла к месту, где лежал труп. Здесь кругом виднелись беспорядочные и глубоко вдавленные следы, из чего я сделала вывод, что жертва сопротивлялась. Но, по всей видимости, борьба была непродолжительной. Такса лежала несколько поодаль. Внимательно осмотрев труп мужчины, я обнаружила, что руки его были в крови.

Это было странно. То, что он не сам перерезал себе горло, было совершенно очевидно, но тогда как он мог испачкать руки? Ранил кого-то в ходе борьбы? Или это он убил собаку? Для чего?

Все было очень запутанно. Некий мужчина крадет таксу, привязанную к столбу возле супермаркета. Приносит ее на условленное место, где его уже поджидают товарищи, и там в присутствии этих товарищей убивает животное с совершенно неоправданным зверством. После этого его убивают самого, причем тоже не церемонятся. Что все это значит?

Орудие убийства валялось тут же. Это был самодельный нож из тех, что делают на зоне. Рукоятка ножа вымазана в крови, и на ней даже невооруженным глазом можно было рассмотреть очень четкие отпечатки. Наверняка это отпечатки жертвы. Только законченный тупица мог оставить после себя такую улику. Я почти не сомневалась в том, что собаку убил этот же мужчина. Но зачем он это сделал? И при чем вообще здесь бедная такса? Зачем ее украли?

Я ничего не понимала.

Что ж, продолжу осмотр, может, найду что-нибудь интересное, хотя бы отчасти объясняющее это странное происшествие.

Но больше ничего интересного я не нашла. В карманах убитого не было ни записных книжек, ни визиток. Там была мелочь и десятирублевая купюра. Не считая мусора вперемешку с остатками табака, высыпавшегося из папирос, которые, по всей видимости, тоже обычно хранились прямо в кармане, больше я не обнаружила ничего.

В подворотне тоже не было никаких улик. Вероятно, все основные события произошли на том небольшом пятачке, где лежал труп, поэтому остальная территория в плане занимательных находок ничего не дала.

Кроме осмотра места преступления, конечно, не помешало бы опросить жителей этой подворотни. Но я понимала, что сейчас сделать это невозможно. Подописка дела даже приблизительно не была мне известна, а не зная что к чему, я не могла придумать предлог, под которым можно было бы проводить такой опрос. Пусть его делают официальные органы.

Придется запастись терпением. Через денек-другой я позвоню Кире и узнаю, что дало официальное расследование.

С минуты на минуту должна была прибыть опергруппа, и я решила удалиться с места происшествия.

Но для начала нужно было переговорить с Серафимой Карловной. Я объяснила ей, что в интересах дела лучше заявить, что свою собаку она обнаружила самостоятельно, и до поры до времени не сообщать милиции о том, что она прибегала к помощи частного детектива. Я намекнула, что, возможно, мне придется заняться этим расследованием, а выступать одновременно в качестве и сыщика, и свидетеля я не смогу.

– Но ведь в милицию позвонили вы, – не желала понимать старушка.

– Да, но я звонила в частном порядке своим знакомым и просила не упоминать о моем участии в этом деле, поэтому в официальном отчете будет указано, что труп обнаружили вы. И поверьте, так будет намного лучше.

– Да?

– Да.

– Ну... ну хорошо. Я не скажу.

– Вот и прекрасно. Если возникнут какие-нибудь вопросы, пожалуйста, обращайтесь.

Я не стала напрямую говорить, что она может заказать мне расследование. Захочет – сама догадается. Догадалась же она позвонить мне, когда Людочка пропала. К тому же я понимала,

что если Серафима Карловна и пожелает в частном порядке искать убийцу, то она будет искать именно убийцу Людочки, а не мужчины в коричневом костюме. А я для себя еще не решила, готова ли заниматься поиском живодеров-извращенцев.

Распрощавшись со своей клиенткой, которая осталась оплакивать Людочку и поджидать оперативников, я вышла из подворотни и почти сразу же услышала шум моторов приближающихся автомобилей. Опергруппа не заставила себя ждать.

Весь следующий день я занималась тем, что и так и эдак прикидывала, что бы могло означать вчерашнее загадочное происшествие. Но версии выходили одна фантастичнее другой.

Зачем мужчина украл собаку? Хотел продать? А покупателю она не понравилась, и он в сердцах вспорол брюхо «товару», который не подошел? А потом сам покупатель прикончил продавца, чтобы больше так не шутил.

А может, он хотел продать собаку на органы? Понадобилось какой-нибудь другой таксе пересадить печень, вот и... Поэтому и вспорол ей живот? Чтобы показать товар лицом.

Почему убили его самого? Из-за того, что собака оказалась неподходящей? Но тогда пришлось бы поубивать большую часть народа, торгующего, например, на блошиных рынках. Там товар тоже, знаете ли...

И вообще, что это за вздор – убивать человека из-за собаки? Да еще из-за чужой. А если его убили не из-за собаки, то при чем здесь эта собака?

В общем, к концу дня я так заморочила сама себе голову всеми этими собаками, убийствами и непонятными следствиями из непонятных причин, что совсем перестала понимать что-либо. Наконец, не выдержав, я набрала номер Кирьянова.

– Владимир Сергеевич? Татьяна Александровна беспокоит. По вчерашнему дельцу нет ли чего?

– А что, эта полоумная бабка тебе расследование заказала?

– Почему же она полоумная? Очень приличная, солидная женщина...

– Угу... солидная... Такой шум подняла... не знали, куда от нее деваться. И куда это милиция смотрит, и какие это зверские преступления совершаются среди бела дня, и куда мы идем... насилие отделались от нее.

– Но, может, ей эта собака очень дорога.

– Может быть. Но всему есть предел.

Киря чувств бабушки явно не разделял, и я поспешила перевести разговор на другую тему:

– А по мужичку по этому что-нибудь выяснилось?

– Похоже, собаку зарезал он. Отпечатки на ноже... Ты видела нож там?

– Да, конечно.

– Так вот. Отпечатки сейчас проверяют в лаборатории, но, я думаю, совпадут. У него руки в крови, да и странно было бы, если бы убийца оставил такую улику.

– Да, я тоже так подумала. Кстати, а кровь отдали на анализ? Может, там не только собачья, а еще чья-нибудь?

– Обижаешь...

– Да нет, это я так, к слову. Наверное, не готово пока?

– Конечно нет, быстрая ты моя.

– А жителей подворотни опрашивали? Может, они что-нибудь видели?

– Ничего они не видели. Мужик этот там не живет, и все, кого опрашивали, утверждают, что никогда его в глаза не видели. Не знаю, может, и врут. Сама понимаешь – кто признается, даже если и видели, кто убивал.

– Это точно...

– Одно можно утверждать определенно – что он там не живет. Думаю, назначил с кем-то встречу в укромном месте, подальше от посторонних глаз.

– А собаку зачем украл?

– Это ты у меня спрашиваешь? Это ты у него спроси. Вообще... не знаю... дурацкий какой-то случай... Ладно бы еще это была его собака. Тогда хоть можно было бы сказать, что собаку убили за компанию с хозяином. Но ведь украл! Украл, привел на место и тут же своими руками зарезал. Черт-те что...

– Да, случай загадочный...

– Впрочем, если хочешь знать мое мнение...

– Очень хочу.

– Думаю, это внутренние разборки. Для чего здесь собака, конечно, пока непонятно и странно, но все свидетельствует в пользу именно такой версии. Посуди сама – убитый шел на заранее назначенную встречу, и если принять во внимание место происхождения и социальное положение убитого, то наверняка и те, с кем он хотел встретиться, не принадлежали к высшим слоям общества. А в тех слоях, к которым они принадлежали, дипломатия-то незатейливая. Четыре сбоку – ваших нет. Начали говорить, что-то не понравилось... мужик этот был один, а тех, с кем он встречался, было несколько. А кто сильнее, тот и прав.

– До чего складно все у тебя выходит.

– Имеешь что-то возразить?

– Не знаю... собака у меня из головы не идет. Ну не держат у себя бомжи породистых собак.

– Может, он ее продать хотел.

– Зачем тогда убил?

– Может, не понравилась.

– Не понравилась – дал пинка и гуляй на все четыре стороны. Убивать зачем?

– Слушай, Татьян, ты мне голову не морочь. Мне сейчас вообще не до бомжей и их разборок. У меня тут такое дело...

– Интересное что-нибудь?

– А то! Представляешь, накрыли нелегальный игорный дом в самый разгар представления! Прямо от столов брали голубчиков. Тепленькими. Позавчера взяли. Сразу – из хаты в каталажку, даже под дождичком не замочили. И хозяина, и гостей, всех!

– И хозяина даже?

– Да!

– Это вы удачно зашли. А адресок как узнали? Птичка накукарекала?

– Добровольная помощь гражданского населения.

– Да что вы говорите! Это откуда же у гражданского населения такие интересные сведения бывают? Ладно, колись – «крота» в банду внедрили?

– Да нет, говорю же тебе – анонимный звонок.

– Киря, ты мне-то хоть лапшу не вешай. Где это видано, чтобы по анонимным звонкам такие заведения сдавали?

– Да мы и сами не ожидали. И группу-то послали небольшую... Потом уж ребята подкрепление вызвали, повязали всех. Да и те от неожиданности тоже... пока от шока отошли... В общем, операция получилась – просто блеск! С нетерпением ожидаю поощрения от вышестоящих органов, а пока интенсивно веду допросы. Такие дела теперь, сама понимаешь, на самом пике актуальности.

– Почему это?

– Как почему? Ты что, за событиями в стране совсем не следишь? Не знаешь, что игорный бизнес в резервацию переселяют?

– Знаю, но при чем здесь...

– А при том. Им хотя и дали какое-то время, чтобы сориентироваться и в себя прийти, но это – акулам, а мелкие лавочки позакрывали сразу. Теперь смотри – заведений стало меньше, следовательно, предложение этой услуги уменьшилось, времени прошло немного, следовательно, спрос остался на прежнем уровне. Ну, и еще примем во внимание, что налоги остались прежними. Что из этого следует?

– Что?

– А то, что даже те немногие игорные дома, которые остались и работают легально, даже при условии, что они до копейки платят все налоги и не ведут левых счетов, даже сейчас они качают сверхприбыли. Что уж говорить о нелегальных заведениях такого рода, которые налоги не платят? А? Сообразила?

– Сообразила.

– Вот об этом я и говорю. Сейчас эти мелкие нелегальные лавчонки, даже если несколько месяцев продержатся до того, как их накроют, и то смогут обеспечить своих владельцев на всю оставшуюся жизнь. Поэтому я и говорю тебе, что эта тема сейчас – на пике актуальности и никакие твои бомжи с собаками тут даже в сравнение не идут.

– Почему это они «мои»? Погоди-ка, ты что, хочешь сказать, что заниматься этим убийством в подворотне вы не будете?

– Ну, почему не будем... будем. Постепенно. Но сама понимаешь, в свете вышеизложенного история с бомжом – это совсем не то направление, которое я сейчас считаю приоритетным. Кстати, эта полоумная старуха написала-таки заявление. Представляешь? Так и изложила: зверское, дескать, убийство собаки, прошу принять меры.

– И ты принял?

– Меры?

– Заявление.

– А что мне оставалось делать? Она бы так до вечера не ушла отсюда, если бы я не принял. Правда, регистрировать пока не стали, теперь сижу, не знаю, что мне с ним делать. Вся прокуратура смеется. Того и гляди анекдоты начнут сочинять.

– Ну и напрасно. Интересы граждан нужно уважать. Кстати, насчет казино, я так и не поняла, кто информацию-то слил?

– Я же сказал тебе – анонимный звонок.

– И что, так и не выяснили?

– Да как бы мы тебе выяснили? Звонили с мобильного, номер не определился... Впрочем, у меня тут есть одно соображение...

– Поделись.

– Думаю, кто-то хотел конкурента убрать. Наверняка или где-то поблизости еще одна такая же шарашка есть, или кто-то собирается открыть. Я уже дал указания... соответствующие. Ребята контроль усилят, может, и еще одно горяченькое дельце вскроем...

– Ну, тогда не миновать тебе повышения.

– Сплюнь.

Я сплунула, и на этом наш разговор с Кирей закончился. Было ясно, что расследовать убийство в подворотне он не собирался, у него и без этого жизнь была ключом.

Вот весело сейчас Кире! Позавчера – нелегальный игорный дом, вчера – загадочное убийство в подворотне... Того и гляди еще сегодня что-нибудь произойдет... актуальное. И только у меня застой. И почему это одним – все, а другим – ничего? Что это в самом деле за несправедливость?

Обиженная на весь свет, я отправилась на кухню готовить кофе. Должно же быть в этой жизни хоть что-то приятное.

«Хоть бы старуха позвонила мне, – почти не надеясь на чудо, думала я, сидя за столом и равнодушно взирая на шоколадные конфеты, купленные недавно за бешеные деньги. –

Неужели она и впрямь думает, что такое серьезное учреждение, как прокуратура, сломя голову ринется выяснять причину убийства ее собаки? Вот частное лицо... оно, конечно, могло бы... за соответствующее вознаграждение...»

Но старуха не звонила.

Всеми брошенная и покинутая, я снова уснула перед телевизором.

Мечта идиота сбылась на следующий день. Около девяти утра раздался телефонный звонок, и приятный мужской голос попросил меня приехать по указанному адресу.

– С вами хотят поговорить, – не вдаваясь в подробности, сказал голос.

Такая скрытность сразу вызвала у меня подозрения, но, однако, догадываясь, что разговор наверняка пойдет о новом расследовании, которое кто-то хочет мне заказать, я, разумеется, согласилась не раздумывая.

«Может быть, это какая-то важная персона, которая не хочет афишировать свое участие? – преисполненная радужных надежд, думала я. – Такие случаи бывали...»

Но если бы я могла заранее знать, что это будет за персона, с которой мне предстоит встретиться, я бы еще двадцать раз подумала, прежде чем ехать на встречу с ней, даже учитывая беспрецедентный застой в делах.

Но заранее я ничего не знала, поэтому, наскоро облачившись в недавно приобретенную джинсу последнего фасона, отправилась на встречу.

Дом, адрес которого мне назвали и где должна была произойти встреча, не принадлежал к числу элитных. Это была старенькая пятиэтажка, расположенная в значительном отдалении от центральных районов города. Поскольку еще во время телефонного разговора я поняла, что клиенты у меня на сей раз солидные, то сделала вывод, что квартира, на которую меня пригласили, конспиративная. Наверняка ее либо сняли специально для этой встречи, либо держат пустой для подобных нужд.

Поднявшись на четвертый этаж и оказавшись в квартире, я поняла, что не ошиблась в своих предположениях.

Хатка была из тех, что сдают «почасно и посуточно» разным командированным и просто озабоченным гражданам. Несколько кроватей, диван, старенький телевизор, стол и несколько стульев. Но люди, которые находились в квартире, совсем не походили на командированных.

На одном из стульев сидела с сигаретой в руках запредельно крутая мадам, одни туфли ее стоили дороже, чем вся эта квартира вместе с мебелью. Кроме нее, в помещении находились двое здоровенных парней и маленький, кругленький, очень подвижный дяденька восточного типа.

«Поздравляю, Татьяна Александровна, на сей раз вы попали по-настоящему», – так думала я, пока кругленький дяденька суетился, предлагая мне стул, и улыбался на все лады, объясняя общее положение дел.

– Вот, пожалуйста... присаживайтесь, пожалуйста... Меня зовут Михаил Натанович... Михаил Натанович Рабинович... хе-хе... такая вот распространенная российская фамилия... не правда ли?... Хе-хе... Папа хотел назвать меня Моше, но мама сказала ему: Натан, мы живем в России, у нашего мальчика должно быть имя, понятное для русских. Поэтому меня назвали Михаил. Вот такая вот история... хе-хе... А у нас, знаете ли, несчастье... такое несчастье, такое несчастье... но вам объяснят. Да, сейчас прямо, вот сейчас и объяснят. Вы сможете помочь нам. Да, вы сможете. Мы о вас очень много слышали, очень много. Очень много очень хороших отзывов. Да, очень хороших. Поэтому мы и решили пригласить вас. Мы знаем, вы не станете много разговаривать. Правильно? Вы – человек дела. Правильно? Такая прекрасная дама... никто даже не сможет подумать, что вы – сыщик. Это – прекрасно! Очень хорошо. Ведь вы понимаете, в таких делах главное – конфиденциальность. Правильно?

Здесь на мгновение с лица Михаила Натановича исчезло ласковое выражение, и он так выразительно взглянул на меня, что мне сразу стало понятно, что будет, если мне вдруг вздумается требуемую конфиденциальность не соблюсти.

– Вот и прекрасно. Очень хорошо! Я сразу знал, что мы с вами поймем друг друга. Зачем лишние разговоры? Мы делаем заказ – вы его выполняете. Мило, чисто, благородно. А то вот некоторые еще берут подписку о неразглашении... зачем нам подписка? Разве мы не доверяем друг другу? Если возникнут недоразумения, разве мы не сможем разрешить их? Правильно? Зачем нам подписка? Просто встретимся и поговорим. Правильно? Для друга, как говорится, семь верст не околица... хе-хе...

Я сидела, слушала его и проклинала все на свете. И чего мне дома не сиделось? Еще ныла, что дел нет. Вот и донылась. Получила дело? Радуйся теперь.

Несмотря на всю цветистость речи, Михаил Натанович говорил достаточно понятно. Люди, которые хотят заказать мне расследование, желают, чтобы ни одна живая душа не знала не только о том, кем это расследование заказано, но даже вообще о том, что такое расследование проводится. И эти люди имеют полную возможность проконтролировать, как я исполняю это их желание. Было совершенно ясно, что прежде чем встретиться со мной, они навели справки и теперь знают меня как облупленную. По крайней мере, в той части, которая касается адресов, явок и паролей. И стоит мне хоть на йоту отклониться от тех требований конфиденциальности, на которых они так настаивают, меня достанут даже из-под земли. Не то что с седьмого этажа моей квартиры.

«На кого же это меня вынесло? – пыталась угадать я, рассматривая даму с сигаретой. – Чиновные шишки? Но эти могут добиться всего, чего им надо, и по официальным каналам. Зачем им частный сыщик? Впрочем, может быть, здесь какие-нибудь левые делишки, которые с помощью официальных органов расследовать неудобно?..»

Но чем дальше я слушала Михаила Натановича, чем больше вглядывалась в парней на заднем плане, которые, как китайские болванчики, кивали головами всякий раз, когда речь заходила о способах «разрешения недоразумений», тем меньше оставалось у меня сомнений в том, что люди, пригласившие меня для беседы, не связаны с чиновной братией. Слишком уж характерными были некоторые приемы, и характерными совсем для другой социальной группы.

Дама с сигаретой меж тем не проронила ни слова. Теперь я больше склонялась к тому, что она либо жена какого-нибудь крутого и не совсем легального бизнесмена, либо сама такая бизнесменша.

Она была в белом льняном костюме – легкий пиджак и юбка, доставленные спецсамолетом прямо из Милана, – в белой широкополой шляпе и темных очках, которые закрывали половину лица. Когда она начала говорить, оказалось, что обе мои догадки, как ни странно, оказались верными. Выяснилось, что до вчерашнего дня (точнее, ночи) она была женой крутого и не очень легального бизнесмена, а сегодня сама сделалась бизнесменшей, неожиданно оказавшись вдовой. Но по сложившейся уже в течение этого разговора традиции она не приступила сразу к делу, а начала с того, что еще раз напомнила мне о конфиденциальности.

– Все, что вы услышите, не должно выйти за пределы этой комнаты, – тоном, не допускавшим ни малейших возражений, объявила она. – За сохранение конфиденциальности мы готовы доплатить вам, но несоблюдение этого пункта повлечет за собой очень неприятные последствия. И для нас, и для вас. Поэтому вы должны очень четко уяснить для себя, что на время расследования ваш главный личный интерес состоит в том, чтобы оберегать наши интересы.

Здесь она сделала паузу, по-видимому, ожидая от меня подтверждения того, что я это уяснила. Пришлось подтвердить.

– Хорошо. Теперь к делу. Вчера ночью был убит мой муж, Буровой Борис Григорьевич. Разумеется, официальное расследование будет назначено, но существуют некоторые обстоятельства, в силу которых у нас нет уверенности, что официальные органы смогут найти настоящего убийцу. Поэтому мы обратились к вам.

– Что же это за обстоятельства?

– Видите ли... – моя собеседница неуверенно посмотрела на Михаила Натановича.

– Говори, Олечка, говори, дорогая, не волнуйся, – сказал он, взглянув на телохранителей.

– Я подозреваю, что убийство заказал кто-то из конкурентов мужа. У нас антикварный салон и... ну, и еще кое-какой бизнес, и, как всегда в таких случаях, у мужа было много недоброжелателей. У нас ведь богатых не любят, думают, что это все просто так, деньги сами собой с неба падают... Ну, ладно, сейчас не об этом. Так вот, я считаю, что убийство заказал кто-то из конкурентов.

– То есть вы думаете, что убийцу следует искать среди владельцев других антикварных салонов? – спросила я.

– Нет... не совсем...

– Говори, Олечка, говори, не волнуйся, – снова подбодрил Михаил Натанович.

– Видите ли... в салоне... там... в общем, там у нас были пустующие задние помещения, и муж решил сделать там... небольшой... ну, как бы это сказать... нечто вроде небольшого клуба...

О черт!

Признаюсь, глядя на то, как даже эта навороченная «Олечка» мнетя и все не решается произнести ключевое слово, я подумала о самом худшем. Детская проституция, садомазохистские вечеринки и растление несовершеннолетних.

«Только не это! Все, что угодно, только не это! – мысленно взывала я неизвестно к кому, теряя последнюю надежду. – Это что же мне делать-то придется, а? Разыскивать одного козла, который пришел другого из-за того, что они не поделили несовершеннолетнюю девочку? Или мальчика? Да еще и не смей сказать никому, что там творится, в этом „клубе“?»

Я была в отчаянии, но, к счастью, все оказалось не так страшно.

– Вы, наверное, слышали, что сейчас идут гонения на казино? – продолжала моя собеседница. – По закону салоны могут работать еще два года, но они просто как с цепи сорвались... Оставили всего несколько заведений на весь город, а небольшие клубы все заставили закрыть. Вот и мы... У моего мужа было небольшое заведение, где люди могли... отдохнуть, расслабиться...

«Оставить свои бабки», – подумала я, но уже почти спокойно, убедившись, что мне не придется иметь дело с извращенцами.

– Но как только вышел этот закон, нас заставили заведение закрыть. А ведь все это стоит денег... столы, оборудование. Что, взять и выбросить все? Поэтому муж решил... конечно, это... скажем так... не совсем законно, но... Впрочем, это никого не касается, – уже совсем другим тоном сказала Олечка, и я сразу поняла, что семейный бизнес в надежных руках. – Тот салон... ну, который закрыли, мой муж держал на паях еще с одним человеком. После закрытия они все поделили пополам, и тот человек сразу же открыл новый салон, уже, как вы понимаете, нелегально. Муж – человек осторожный, поэтому он не стал этого делать, а решил подождать и посмотреть, что будет. Но ничего особенного не происходило, тот нелегальный салон процветал, и бывший компаньон мужа постоянно хвастался, что теперь он имеет даже больше, чем раньше, потому что не платит налоги. Поэтому муж решил, что и ему пришло время открыть подобный салон. При нашем антикварном магазине это сделать было удобно во многих отношениях...

«Еще бы, – снова подумала я. – Проигрался товарищ, можно с него в счет долга инте- ресное что-нибудь взять, да тут же в магазине и выставить. Опять же и касса рядом. Пришла

проверка: „Откуда это денежки у вас?“ – а вот, мол, они, от продажи антикварных ценностей. Конечно, еще удобнее в этом смысле был бы ломбард или ювелирный магазин, но и антикварный салон тоже сойдет».

– Простите, – перебила я свою собеседницу, – а вот этот компаньон вашего мужа, о котором вы упомянули, у него такой игорный дом был сам по себе или тоже... при каком-нибудь магазине?

– У него он был в помещении, где, кроме этого, находился еще ломбард и ювелирный магазин.

Ага! Значит, два в одном. Недурно. А компаньон-то, пожалуй, пошустрее будет почившего мужа...

– Этот человек арендовал большое помещение, которое сдавал в субаренду. Разумеется, первому встречному там ничего не предлагалось, поэтому и владелец ломбарда, и владелец магазина были люди не случайные и находились в курсе дела. Собственно, об этом человеке я и веду речь. Его фамилия Ахмеров, в узких кругах он известен как Грек. Я думаю, что это он заказал убийство мужа.

– У вас есть какие-то основания так думать или это просто предположение? Ведь вы только что сказали, что это Ахмеров был компаньоном вашего мужа.

– В этом-то все и дело. Грек знал, что мой муж вскоре собирается открыть салон. А три дня назад милиция накрыла салон самого Грека, и мне известно, что он очень активно доискивался, кто мог его заложить. Думаю, что кто-то сказал ему, что это сделал мой муж.

Глава 3

Поразившая меня неожиданная догадка на время заставила уйти в себя, и следующие несколько минут я почти не слушала, что рассказывала мне мадам Буровая.

Я сразу же вспомнила свой вчерашний разговор с Кирей и тот энтузиазм, с которым он рассказывал о своей удаче. «Анонимный звонок» – вспомнился мне тот странный ответ, который дал он мне на вопрос об источнике информации. Что ж, если лавочку Ахмерова засветили конкуренты, то в таком способе нет ничего удивительного. Не пойдут же они официальное заявление писать. Если не ошибаюсь, и сам Киря выдвинул такое же предположение. И вот теперь оно с блеском оправдывается. Жива еще старая гвардия!

– Значит, вы уверены, что ваш муж этого не делал?

– Разумеется, нет! Зачем ему это? При разделе того, старого салона все было поделено по взаимному согласию, никто не имел ни к кому претензий, а новый салон моего мужа расположен совершенно в другом районе, чем салон Грека. Наш антикварный магазин в центре, а салон Грека был в районе набережной. Они даже не конкурировали друг с другом!

Тут меня поразила новая догадка, и я снова на какое-то время впала в кому.

Салон на набережной! В помещении, где находится ломбард! Но разве не рядом с таким помещением я была два дня назад, когда меня вызвала на дело старушка, потерявшая свою собаку? «Сама не видишь?» – вспомнился мне грубый окрик нищего с перекрестка, который даже за сто рублей не пожелал быть повежливее.

Да, это был именно ломбард. Ломбард, расположенный недалеко от переуллка, в котором скрлся мужчина, укравший старушкину таксу.

События складывались в какую-то причудливую и странную цепь.

Три дня назад милиция накрыла нелегальный игорный салон в районе набережной. На следующий день в том же месте у старушки крадут собаку, которая оказывается потом убитой, как и человек, ее укравший. На следующий день, точнее – ночь, убивают господина Бурового, бывшего партнера владельца салона на набережной.

Случайны ли все эти совпадения? Или между ними есть какая-то связь?

Конечно, мне пока не был известен адрес, на котором Кирины ребята накрыли «малину», но интуиция подсказывала мне, что это окажется именно тот самый адрес.

Нищий сказал мне, куда ушел мужчина, укравший собаку... Наверняка он видел и то, откуда этот мужчина пришел. Не помешает спросить у него об этом.

– ...Я думаю, что этот человек и организовал все, – продолжала между тем моя собеседница.

– Какой человек?

– Ну, как какой? Тот самый человек, который на самом деле заложил Ахмерова. Думаю, он либо имел на него зуб и просто хотел насолить, либо хотел устранить его как конкурента. А на моего мужа перевел стрелки. Возможно, под предлогом, что тот тоже хочет открыть антикварный салон. Я хочу, чтобы вы нашли его.

– Кого?

Да, тут я сглупила, этот вопрос мне не следовало задавать.

Моя собеседница немного помолчала, глядя на меня через очки, потом сдвинула их вниз... Лучше бы она этого не делала. Никогда в жизни не приходилось мне ощущать столько пренебрежения, презрения и унижения, сколько исходило в этот момент от ласкового ее взгляда.

– Того, кто заложил Ахмерова и внушил ему мысль, что на самом деле сделал это мой муж, – наконец очень медленно проговорила она, всем видом показывая, что если бы она зара-

нее знала, что я окажусь такой тупицей, она не потратила бы на меня ни минуты своего драгоценного времени.

Положение нужно было срочно спасать. Но взгляд Олечки не понравился мне, и я решила при случае реабилитироваться. У всех бывают ошибки, но делать выводы об умственных способностях человека по одному некстати сказанному слову – это уж чересчур. Но сейчас преимущество было не на моей стороне, и я говорила вежливо и убедительно:

– Простите. Разумеется, вы хотите найти этого человека, а мой вопрос – это просто неудачная попытка выразить свою мысль. Я постараюсь высказаться более понятно. Вы сказали, что предполагаете, что заказчиком убийства вашего мужа явился господин Ахмеров, потому что кто-то сказал ему, что именно ваш муж сообщил милиции о местонахождении нелегального игорного дома. Таким образом этот «кто-то» сумел насолить Ахмерову и одновременно отвести от себя все подозрения. Но почему он выбрал именно вашего мужа? Почему именно на него он перевел стрелки? Вы говорите, что этот человек хотел доставить неприятности Ахмерову, но Ахмеров жив, а ваш муж мертв. Не правильнее ли будет предположить, что загадочный «кто-то» имел претензии именно к вашему мужу и захотел убрать его руками Ахмерова?

По реакции присутствующих (причем всех без исключения) я поняла, что такая версия событий им в голову не приходила, и мои акции снова поднялись в цене.

После довольно продолжительной паузы Олечка обрела наконец дар речи.

– Кем бы ни был этот человек, – медленно проговорила она, – вы должны найти его, потому что именно он виновен в смерти моего мужа.

– Как произошло убийство?

– Вчера вечером муж задержался допоздна в магазине. Он часто задерживался там, проверял документы, занимался делами...

– Вчера он был там один?

– Нет, с ним был дядя Миша... то есть Михаил Натанович...

– Ничего, Олечка, не волнуйся, – снова вступил в разговор юркий господин с распространенной российской фамилией. – Давай я расскажу сам. Мы с Боренькой проверяли документы, – обратился он ко мне, – конечно, у нас есть бухгалтер и прочее там... но сами понимаете, свой глазок – смотрок... хе-хе... Бухгалтер бухгалтером, а проверить никогда не помешает. Ну вот, в этот вечер мы как раз и занимались... этим. Машина Бореньки стояла во дворе, в машине была охрана, так что с этой стороны, казалось бы, можно было ничего не опасаться. Но когда мы закончили дела, Боренька сказал, что хочет еще позаниматься... понимаете... новое дело... риски... ведь Олечка уже сказала вам... В общем, Боренька хотел еще раз хорошенько все обдумать и просчитать. Меня, старика, по немощам моим, отпустил, а сам остался... Если бы мы могли знать... В общем, я поехал, и в тот небольшой промежуток времени, пока во дворе не было охраны, все и произошло.

– Вы не могли бы поточнее определить, сколько по времени длился этот промежуток?

– Дайте подумать... да, не более получаса. Живу я недалеко от магазина, а на машине ехать и того меньше. Да, думаю, что-то около десяти минут. Десять минут туда, десять – обратно ну и плюс то время, пока я загружался да выгружался... да, думаю, не более получаса.

– То есть если промежуток времени был таким маленьким, мы можем предположить, что убийца хорошо был знаком с обстановкой. Он знал, куда ему нужно идти и что ему предстоит сделать.

– Вот именно! Именно! Поэтому мы и предполагаем, что это сделал Ахмеров. Кто, кроме него, мог так хорошо знать все обстоятельства? Ведь они долгое время работали вместе с Боренькой... Он бывал у нас... и в магазине в том числе.

– А может, здесь замешан кто-то из своих? – осторожно спросила я.

– Это исключено, – быстро и очень резко ответила мне Ольга.

– Ничего, Олечка, не волнуйся, – снова смягчил Рабинович. – Видите ли, компания наша очень тесная, почти родственная... Вот Олечка – она дочка моей двоюродной сестры, да и Боренька тоже... Он был сыном моих хороших знакомых, и оба они мне как родные. Наш охранник, Левочка, он тоже очень близкий человек, давно работает с Боренькой... нет, то, что это мог бы сделать кто-то из близких, просто невероятно.

– Вы упомянули об охраннике... Он что, один?

– Нет, разумеется, Левочка не один. Он – начальник охраны и предан Бореньке. Он подбирает людей очень тщательно, но независимо от этого здесь не может быть никакой утечки, поскольку все, кроме Левочки, выполняют чисто технические функции и не имеют доступа к внутренней информации.

– Но о том, когда вы уехали из магазина, они ведь знали?

– Ну, в общем... в общем, да. Но... впрочем... впрочем, это ваше дело – выяснить, кто был здесь причастен. Не правда ли, Олечка? Мы можем только предполагать.

– Хорошо. Как преступник проник внутрь? Ведь когда вы уехали, вы наверняка закрыли дверь?

– Да, разумеется... Но тут есть один нюанс... Боюсь, он-то и оказался роковым... В общем, как вы и сами, надеюсь, понимаете, к тому времени магазин давно уже был закрыт и проникнуть в помещение с главного входа было невозможно. Кроме сигнализации, на всех дверях у нас стоят замки, изготовленные по спецзаказу, поэтому взломать их не так-то просто. Если вообще возможно. Но ход со двора, который ведет во внутренние помещения, с улицы закрывается обыкновенной железной дверью с обычным замком. Специальный замок стоит на второй двери, и когда в помещении кто-то есть, эту дверь обычно не закрывали. Так было и в тот вечер. Я вышел и закрыл за собой только внешнюю железную дверь. Внутренняя была просто захлопнута, и открыть ее можно было, элементарно повернув ручку. Если бы мы могли знать... Но ведь никто и предположить не мог! Олечка правильно сказала вам, с Греком они расстались вполне дружелюбно...

– Вы упомянули о сигнализации... Она была включена?

– В тот момент нет. К сигнализации подключено все помещение целиком, включая и комнаты, так сказать, технического назначения. А поскольку в этих комнатах в то время еще находились мы с Боренькой, то, разумеется, сигнализация была отключена.

– Кто обнаружил... факт убийства?

– Да кто же мог обнаружить? Левочка, конечно. Когда они привезли меня, я сказал, чтобы сразу ехали обратно и ждали Бореньку. Ну, они поехали, стали ждать. А время-то идет... Час ждут, другой ждут... Тут Левочка заподозрил неладное. Он позвонил по телефону, но никто не ответил. Тогда он зашел внутрь...

– У него были ключи от входной двери?

– Да, разумеется.

– И от дверей со спецзамками тоже?

– Нет, от этих дверей есть ключи только у меня и у бухгалтера. Ну, кроме Бореньки, конечно. Даже Олечке он эти ключи не давал. Разумеется, не потому, что не доверял ей, а... понимаете... слабая женщина... из соображений безопасности. Ведь Олечка уже сказала: люди завистливы и у богатых много недоброжелателей...

– Понятно. Когда охрана открывала дверь, они не обнаружили ничего подозрительного? Следов взлома, например?

– Ох... это лучше у Левочки спросить... Кажется, нет... ничего такого они не говорили... но это лучше у Левочки спросить.

– Прошу извинить меня, но... – перебила я Михаила Натановича, – из ваших слов следует, что вы не посвящаете охрану в свои внутренние дела, а между тем... вот эти два моло-

дых человека, которые находятся здесь сейчас и так внимательно слушают наш разговор, – они разве не охранники?

– Они-то? Хе-хе-хе-хе! – Кажется, я по-настоящему рассмешила Михаила Натановича. – Ну, что вы! Это племянник мой, Фима, а это – другой племянник, Марк. Что вы! Разве мы можем посвящать в такие дела посторонних!

Рабинович от души веселился, но и сквозь смех у него очень явственно просвечивало: «Уловила? Мотай на ус. Только пикни – мне и охранники не понадобятся, племянниками обойдусь».

Мне было не до смеха. Однако я продолжила расспросы:

– Что обнаружили охранники, когда вошли внутрь?

– Ох... – сразу изменил выражение лица Рабинович. – Это самый тяжелый момент. Ничего, Олечка, не волнуйся, я сам расскажу. Видите ли, задние помещения, они... сами понимаете, прибираться там некому. Углы, повороты, коридоры, ящики... недостаточное освещение. В общем, злодею есть где притаиться. Бореньку нашли в одном из коридоров, ведущих к выходу на задний двор. Я думаю, он услышал какие-то звуки, когда преступник открывал дверь, помещение ведь было совсем пустым, все, даже негромкие звуки, были хорошо слышны. Наверное, Боренька услышал что-то и пошел посмотреть, а этот негодяй... наверное, он спрятался где-то и... напал сзади...

– Почему вы так думаете?

– Видите ли... как я уже говорил, во всех этих коридорах было много разных посторонних вещей, и если бы они – убийца и Боренька – боролись, это сразу было бы заметно. Просто по беспорядку. Правильно?

– Ну, в общем, да.

– Ну вот. А там не было никакого беспорядка. Все было на месте, и Боренька... он... его нашли там с перерезанным горлом...

Здесь беседа наша ненадолго прервалась. Безутешная вдова закурила новую сигарету и как-то подозрительно часто начала дышать, явно угрожая впасть в истерику. Рабинович бросился успокаивать ее, а меня тем временем поразила очередная догадка.

Увы! За последние три дня это был уже второй человек с перерезанным горлом, который попадал в поле моего зрения. Теперь о случайных совпадениях уже не могло быть и речи. Слишком много их получается, этих совпадений. Мужик, укравший собаку и скрывшийся с ней именно в той подворотне, где находилось засвеченное казино; владелец этого казино, оказавшийся партнером и, возможно, заказчиком убийства мужа моей новой клиентки; сам этот муж, убитый точно так же, как никому неведомый бомж с собакой...

Несомненно, между всеми этими происшествиями имелась какая-то связь, но в чем она состояла, я пока не могла даже предположить.

– На месте преступления были обнаружены какие-то улики? – спросила я. – Может быть, что-то подозрительное, вещи, которых там раньше не было и которые появились после убийства?

– Нет, к сожалению, ничего такого, – снова заговорил Рабинович. – Возможно, там были отпечатки, но это, сами понимаете, компетенция официальных органов, мы об этом судить не можем. Единственное, что там можно было обнаружить невооруженным глазом, это тряпка.

– Тряпка?

– Да, тряпка. Обыкновенная грязная тряпка, подобранная, по всей видимости, там же. Она была вся перепачкана в крови, наверное, убийца вытирал об нее нож или руки... или то и другое, ведь сами понимаете, после такого убийства кровопотеря... бывает... значительная, – говорил Рабинович, снова беспокойно поглядывая на Ольгу.

– Но если руки у него были... испачканы, то наверняка он оставил отпечатки. Например, на двери, когда выходил.

– Необязательно. На ручке действительно были следы крови, но не в виде отпечатков, а... как бы это сказать... просто смазанный след. Видимо, когда открывал дверь, он держался за ручку через эту самую тряпку.

– Когда охранники вернулись к магазину, чтобы забрать Бурового, дверь была закрыта?

– Да.

– А она снаружи закрывается ключом или просто захлопывается?

– Она и закрывается, и захлопывается. Я понимаю, что вы хотите узнать. Закрыты были оба замка.

– То есть если у преступника не было ключа, ему нужно было еще повозиться, прежде чем он смог закрыть дверь?

– В общем, да.

– Но тогда на двери все-таки должны были остаться отпечатки. Ведь эта тряпка осталась внутри после того, как он вышел?

– Да, она была внутри. Но должен сказать вам, что снаружи на двери не было никаких следов. По крайней мере, таких, которые можно было бы обнаружить невооруженным глазом.

– А мог он выйти через главный вход?

– Нет, это исключено. Я ведь говорил вам: там стоит замок, изготовленный по специальному заказу.

– То есть, если я правильно представляю себе ситуацию, все произошло следующим образом: вчера вечером вы и Буровой допоздна задержались в магазине. Потом вы уехали, а Буровой остался. В промежуток времени около получаса, пока возле магазина не было охраны, туда проник убийца, совершил преступление и скрылся через ту же дверь, предварительно закрыв ее на оба замка. Я ничего не перепутала?

– Думаю, нет.

– Тогда еще один вопрос. Такая ситуация, когда вы и Буровой оставались вдвоем в магазине или когда он оставался там один, – это было редкое событие или оно повторялось часто?

– Нет... отчего же... Повторялось. Да, это случалось частенько. Правда, то, что Боренька оставался совсем один, случалось реже, но тоже бывало. А вдвоем мы там засиживались регулярно. Особенно в последнее время. Ведь Олечка уже говорила вам – мы намеревались открыть... новое дело, поэтому необходимо было все продумать. В тишине, без лишних глаз... Понимаете?

– Вы были доверенным лицом Бурового?

– Ну, в общем, да... – проговорил Рабинович, как-то странно усмехнувшись. – Ах да, я, наверное, не сказал вам. Официально я числюсь финансовым директором, но я уже говорил: и Олечка, и Боренька – они мне как родные.

– Понятно. Вы не помните, в какое время вы закончили дела с Буровым и уехали из магазина?

– Да, милиция тоже меня об этом спрашивала. Но, к сожалению, время я не засекал. На время мы обратили внимание, уже когда было обнаружено... преступление. По приблизительным подсчетам, я уехал из магазина где-то в двенадцатом часу ночи.

– Понятно. Что ж, пока у меня больше вопросов нет, но я сразу должна сказать, что, если вы хотите, чтобы я выполнила ваш заказ и нашла не только непосредственного исполнителя, но и заказчика преступления, мне понадобится полное ваше содействие и доступ к любой информации, какой бы эксклюзивной и засекреченной она ни была. Вы сами сейчас сказали, что официальные органы вряд ли доберутся до всей подоплеку этого дела, но если я буду обладать теми же сведениями, что и они, я тоже не смогу помочь вам.

Рабинович вопросительно посмотрел на Ольгу.

– Вы получите информацию, – твердо ответила она.

– Олечка...

– Дядя Миша! Мы должны найти его. Если целью этого человека является наш бизнес, он не отстанет. А мне эти проблемы не нужны. Вы получите информацию, – снова повторила она, обратившись ко мне.

– Хорошо. Тогда в ближайшее время мне необходимо будет осмотреть место преступления, а также побеседовать с начальником вашей охраны. Ну, и... договориться об оплате.

– Вот это я понимаю, вот это – деловой разговор, – снова засуетился Рабинович. – Очень рады, что не ошиблись в вас, Татьяна. Но о конфиденциальности все же забывать не следует. Правильно?

– Да, я помню.

– Вот и прекрасно, вот и хорошо. Тогда мы сделаем так: чтобы не терять драгоценного времени, сейчас пригласим сюда Левочку и побеседуем с ним, а потом поедем в магазин, посмотрим там все, что нужно, а заодно и договоримся об оплате. Олечка, правильно я говорю?

– Делай как знаешь, дядя Миша, – усталым голосом ответила Ольга. – Главное, чтобы побыстрее все это... выяснилось.

– Ну вот и прекрасно, вот и хорошо, – бормотал Рабинович, доставая мобильник. – Левочка? Поднимись к нам, пожалуйста.

Вскоре в квартире появился Левочка. Это был высокий и какой-то нескладный блондин с совершенно бесцветными глазами и отсутствующим взглядом. Косоглазием он вроде бы не страдал, но куда именно он смотрел в каждый конкретный момент времени, определить было невозможно.

– Левочка, – обратился к нему Рабинович, – сейчас тебе зададут вопросы, ответь, пожалуйста.

Левочка повернул ко мне корпус, но взгляд его оставался все таким же отсутствующим и был устремлен куда-то сквозь меня.

– Вчера вечером, когда вы отвозили домой Михаила Натановича, вы не обратили внимания, сколько было времени?

– Около одиннадцати.

– А когда вы вернулись обратно?

– Прошло около получаса.

– Как вы обнаружили... тело?

– Мы подъехали, стали ждать. Шеф долго не выходил, и я решил позвонить ему. Никто не ответил. Тогда я открыл дверь и вошел. Он лежал в коридоре.

– Сколько по времени вы ждали?

– Часа полтора. Когда я вошел, было уже около двух часов.

– А поточнее не можете сказать?

– Без десяти или без пяти минут.

– Вы открывали дверь своим ключом?

– Да.

– Вы не заметили ничего подозрительного? Царапин, следов взлома?

– Дверь была закрыта так же, как мы ее оставили. Царапин не заметил, там плохое освещение, и я не присматривался.

– Когда вы обнаружили труп, что вы сделали?

– Позвонил Михаилу Натановичу. Потом в милицию.

– Да, в милицию, – снова вступился Рабинович. – В милицию обязательно. Я так сразу и сказал: Левочка, звони в милицию, пускай приезжают и осматривают. Да.

– Вы ничего не трогали на месте преступления?

– Нет.

– Хорошо. У меня больше нет вопросов.

– Ступай, Левочка. Сейчас поедем.

Долговязый Левочка ушел, а Рабинович стал суетиться возле Ольги.

– Что, Олечка, поедешь с нами? Или, может быть, лучше домой?

– Да, наверное, лучше домой...

– Ну вот и хорошо, вот и правильно. Незачем тебе на это смотреть.

– Одну минуту, – вмешалась я в эту идиллию. – Мне необходимо будет как-то связываться с вами... давать отчет о ходе расследования... и вообще. Могу я узнать номер вашего телефона?

– Это – через дядю Мишу, – немного поколебавшись, ответила Ольга. – Если нам нужно будет встретиться, он сообщит мне.

Такой расклад меня не очень устраивал, но спорить я не стала. Что ж, через дядю Мишу так через дядю Мишу.

Признаться, в глубине души я надеялась, что смогу хотя бы узнать, где живет Олечка, поскольку предполагала, что прежде чем поехать осматривать магазин, мы завезем ее домой, однако и тут я ошиблась.

Джип остановился в одной из подворотен в самом центре Тарасова. Еще подъезжая к этому месту, я отметила про себя, что для нелегального игорного дома оно подходит просто идеально. Главный фасад здания, где располагался вход в антикварный салон, выходил на многолюдную улицу. А подворотня выходила в тихий, почти безлюдный переулок, надежно скрытый от любопытных глаз стенами окружающих домов.

Впрочем, такое расположение было выигрышным не только для подпольного игорного бизнеса. Преступнику это тоже было на руку – очень удобно было осуществить свой замысел и незаметно скрыться.

Рабинович и я вышли из машины, а Олечка с племянниками и охраной поехала дальше, поэтому выяснить, где она обитает, мне не удалось. Впрочем, я не особенно переживала по этому поводу и занялась осмотром места преступления.

Подворотня была довольно грязная, хоть и находилась в непосредственной близости от центральных улиц города. Обнаружить чьи-либо следы здесь было невозможно, поэтому я решила основательно изучить дверь и стены дома.

Дверь была самая обыкновенная – железная, из тех, которые рядовые граждане ставят на свои квартиры. Замок тоже оказался несложным, и вскрыть его можно было в два счета. Так что проникнуть внутрь преступник мог без проблем.

Но закрыть дверь после убийства было уже не так легко. Без перчаток он бы обязательно наследил. А тряпку, о которую он вытирал руки и дверь, убийца оставил в помещении. Тогда как он умудрился запереть замки, ничего не запачкав?

Впрочем, может, отпечатки все-таки остались?

Внимательно осматривая дверь, я обнаружила внизу еле заметный след от обуви.

И тут мне пришла в голову интересная мысль. А что, если убийца вообще не касался двери руками? Открыв ее изнутри с помощью тряпки, он тряпку оставил в помещении, а дверь закрыл ногой... Что ж, в принципе в этом нет ничего невозможного. Ведь Рабинович говорил, что дверь и захлопывается, и закрывается на ключ. Тогда, если она уже захлопнута, то, чтобы закрыть ее, совсем необязательно прикасаться к ручке, достаточно взяться за ключ.

Но здесь возникал другой вопрос. Чтобы закрыть дверь, не касаясь ее, убийца должен был иметь ключ. Отмычками запереть дверь было бы не так-то просто. Какие-то следы все равно остались бы. А если у него был ключ, то где он его взял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.